

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Независимость наказуема

Ольга Алексева

директор российского представительства британского благотворительного фонда CAF

Мало кто помнит, но еще пять лет назад у нас в стране даже речи не шло о прозрачности филантропии российских компаний или о стратегии их поддержки местного сообщества. А сейчас у иностранного термина «корпоративная социальная ответственность» (corporate social responsibility, CSR) появилась русская аббревиатура. Социальная ответственность бизнеса становится элементом нашей жизни. Помощь регионам, социальные программы для народа и филантропия являются неотъемлемой частью новой философии и практики предпринимательства. Сегодня российский бизнес вкладывает в благотворительность вдесятеро больше, чем международные фонды в России. И этот разрыв постоянно нарастает.

Однако бизнес лишен свободы даже в собственной благотворительности. Он часто не волен в выборе объектов филантропии, сфер помощи и даже сумм. В основе конфликта — собственность, не признанная именно частной, а не чем-то случайно и незаконно приобретенным, что в любое время может быть отобрано. В этом смысле известная ситуация вокруг ЮКОСа является не только спором «хозяйствующих субъектов» или большой политикой. В известной степени она также отражает и опасение государства перед чрезмерно независимой от него позицией конкретного предпринимателя в общественно значимых вопросах.

Крупные предприниматели и в своей личной филантропии, то есть той, средства на которую берутся из собственного, а не корпоративно-кармана, вынуждены постоянно оглядываться на власть. Может ли, скажем, частный фонд оказать помощь беженцам с Кавказа? Или даже раздача молока и таблеток от простуды будет считаться пособничеством терроризму? На эти вопросы у нас нет однозначного ответа.

А бизнес средний и мелкий, помимо бандитского рackets и «взаимовыгодных взаимоотношений с правоохранительными органами», напрямую сталкивается с рackets благотворительным, когда местные власти заставляют финансировать свои затеи. Такой рокет превратился в серьезную проблему с конца 90-х годов и остается мощной преградой на пути развития стратегической, прозрачной корпоративной благотворительности в России.

Согласно господствующим взглядам гослиты, все доступные ресурсы бизнесу следует отдавать на поддержку программ местных властей, несмотря на обстоятельства, в которых находится компания, ее акции и ее прибыль. Бизнес должен выбирать такие приоритеты благотворительности, которые не раздражали бы вполне определенные госструктуры. А если он не участвует в принудительных пожертвованиях, то может быть уничтожен.

Поддержка правозащитных и экологических групп, некоммерческих организаций (НКО) у нас еще воспринимается как угроза власти. Создание собственных фондов, заявление миссии и ясных целей в глазах федеральных чиновников приравниваются к политическим амбициям.

Удивительна и стремительно короткая история новой российской филантропии. Еще в 90-х годах компании могли жертвовать 3% от прибыли до уплаты налогов. В ряде регионов, таких как Москва, бизнес мог даже передавать часть налогов в виде дара на благотворительные программы местных властей. Однако к 2002 году все это закончилось. Налоговые льготы отменены как «очевидный источник отмывания денег». Хотя во власти и в обществе все знают: факты криминального использования льгот отменялись в деятельности прежде всего тех фондов, которые были тесно связаны с той же властью, а не десятков тысяч общественных организаций.

Но произошел парадокс, мало пока кем осмысленный. Вместо оттока с рынка благотворительных услуг деньги потекли сюда в куда больших объемах, чем прежде. Оказалось, налоговые льготы — важный, но не главный мотив реальной благотворительности.

Между тем наше государство все чаще намекает, что корпоративная филантропия должна знать свои границы. И тут нет проблемы. Вопрос в том, чем границы обусловлены. Если системой налоговых льгот, то это надо только приветствовать. Но то, что происходит у нас, не имеет никакого отношения к рыночной экономике, даже если ее еще только строят. Бизнес у нас должен финансировать сиротские дома, но не задавать вопросов касательно системы интернатных учреждений, производящих больше бомжей и уголовников, чем законопослушных граждан. Он должен поддерживать пожилых, но не финансировать НКО, которые еще и защищают права стариков. Он должен щедро поддерживать культуру, но не задавать вопросов, куда уходит деньги, и быть крайне осторожным в финансировании альтернативного искусства.

Так что наша филантропия поистине уникальна на посткоммунистическом пространстве. Она беспрецедентно широко распространена. Она уникально стремительна, потому что в пятилетку преодолела путь, на который в других странах требовалось до полувека. И она неопостижимо уникальна, так как продолжает развиваться в ухудшающихся условиях, когда налоговые льготы отменены и их возврат даже не светит, а политическое и административное давление только крепчает.

Основанный в Великобритании в 1924 году благотворительный фонд Charities Aid Foundation (CAF) десять лет назад открыл в Москве свое представительство (CAF Russia) для оказания помощи общественным и благотворительным организациям, поддержки в решении социальных проблем. За эти годы CAF выделил России более 12 млн фунтов стерлингов в виде грантов. Ольга Алексева работает в CAF Russia с момента его открытия. Она один из ведущих экспертов страны в области развития НКО, автор пяти книг и свыше 500 статей о социальных реформах и становлении гражданского общества.

Некрасивым детям трудно дышать

Они станут красивыми и будут дышать легко

Нужны сложные исследования, прежде чем бригада врачей возьмется оперировать четырехмесячную Настю Лещук. Фото АЛЕКСАНДРА МИРОДОНОВА

Доктор Лопатин говорит, что у него маленькое, но гордое отделение. Они занимаются в Российской детской клинической больнице черепной и челюстно-лицевой хирургией. У них пятьдесят коек, четыре врача, десять относительно простых операций в неделю и одна восьмичасовая, сложная — перекраивание черепа. Доктор говорит, что детей оперировать труднее, чем взрослых, потому что дети растут, а металлические пластинки у них в головах — нет.

Молодая женщина, которая входит со мной в лифт, приходит из Ижевска. Ее ребенку три с половиной месяца, и у него деформированы кости лица. Через час у ее ребенка будет остановка дыхания, но молодая женщина не знает ведь об этом. Она входит в лифт и улыбается. В руках у нее стопка документов, анализов, направлений и страховых полисов. Ей долго морочили голову в Ижевске, будто оперировать ребенка надо в три года, тогда как оперировать надо как можно раньше. Но она всех победила, она разобралась, как правильно лечить ребенка, и 1 сентября малыша возьмет на операцию доктор Лопатин. Она говорит мне, что в лифте не работает кнопка седьмого этажа, потому мы вместе входим к доктору Лопатину, и женщина спрашивает у него, можно ли сэкономить на анализах и надо ли получать в Москве временную регистрацию. Она не знает ведь еще, что через час у ее ребенка остановится дыхание. Доктор выписывает ей направления на анализы, она уходит, улыбаясь, в эту секунду она, может быть, даже счастливей, чем если бы у нее был просто здоровый ребенок.

Доктор рассказывает. Он показывает мне рентгеновские снимки, на которых видно, что бывает, если роднички на детской голове, которые принято беречь, пока не зарастут, зарастают слишком рано. Тогда для растущего мозга внутри головы не хватает места, череп начинает деформироваться, мозг вытискивает

его в длину или куда-нибудь в сторону или пробивает дыру во лбу и выплывает наружу. Кроме внешнего уродства, говорит доктор, еще головные боли и отставание в развитии, если не оперировать вовремя. Основоложник этой черепной хирургии французский доктор Даниэль Маршак говорит, что если не оперировать, то к двум годам война между черепом и мозгом обычно бывает проиграна. А доктор Лопатин показывает мне фотографию на стене, где он рядом с доктором Маршаком, и добавляет:

— Иногда череп у ребенка от внутреннего давления становится таким тонким, что его даже надо пилить, а можно просто резать ножницами, как бумагу.

Прошло полчаса с тех пор, как улыбающаяся женщина вышла из кабинета доктора Лопатина со стопкой бумажек в руке. Или остается полчаса до того момента, когда она позволит сказать, что у ребенка ее остановка дыхания.

Доктор рассказывает еще, что операции детям надо делать бригадой: нейрохирург, челюстно-лицевой хирург, ортодонт, логопед.

Надо проводить сложные исследования, а потом думать и считать, как именно изменить малышку кости черепа, чтобы череп мог расти, чтобы зубы росли в один ряд, а не в два, как у акулы, чтобы ребенок смог разговаривать. Доктор рассказывает, что у них есть некоторый аппарат по имени ортопантомограф, а нужен еще аппарат по имени цефалостат, без которого ортопантомограф можно было и не покупать. Он рассказывает мне фотографию на стене, где он рядом с доктором Маршаком, и добавляет:

— Иногда череп у ребенка от внутреннего давления становится таким тонким, что его даже надо пилить, а можно просто резать ножницами, как бумагу.

Прошло полчаса с тех пор, как улыбающаяся женщина вышла из кабинета доктора Лопатина со стопкой бумажек в руке. Или остается полчаса до того момента, когда она позволит сказать, что у ребенка ее остановка дыхания.

Доктор рассказывает еще, что операции детям надо делать бригадой: нейрохирург, челюстно-лицевой хирург, ортодонт, логопед.

книжка про нейрохирургию — \$220, то есть месячную зарплату доктора Лопатина.

Доктор ведет меня в отделение и показывает мне красивую девочку, у которой только зубы еще растут в два ряда, а все остальное уже в порядке. И другую девочку, которая рисует черную собаку и говорит справедливо, что на лбу у нее лишняя косточка. И третья, которая приехала с Камчатки и смешно показывает, какие у нее там за окнами вулканы. На двери в одну из палат записка: «Тихо, здесь спит ребенок после операции, спасибо».

Доктор говорит, что детей с такой патологией один на семью, просто раньше их толком не лечили. Он говорит еще, что его отделение часто принимает детей из детских домов, которых вообще редко кто лечит.

Тут звонит телефон. Улыбающаяся женщина говорит, что у ее ребенка остановилось дыхание. Ребенок жив. В реанимации, наверное. Потом доктор скажет мне, что этим детям вообще трудно дышать. А ей он говорит: «Вы выживайте, пожалуйста».

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Зачем доктору Лопатину цефалостат

Отделение челюстно-лицевой хирургии Российской детской клинической больницы (РДКБ) — это сегодня единственное в стране место, где примут любого ребенка в возрасте «от нуля до пятнадцати» с любой патологией головы и шеи. Здесь делают операции, до сих пор неведомые в регионах России. Это самое молодое отделение крупнейшей детской клиники России; его открыли в прошлом году, выделив из отделения реконструктивной хирургии. В его оборудование уже вложены солидные деньги. Однако на дорогостоящую аппаратуру — цефалостат (538 599 руб.), зуботехническую лабораторию и даже набор хирургических инструментов — в госбюджете нет средств, и в ближайшее время они не предусматриваются.

Звучит дико, но заведующий отделением доктор медицинских наук Андрей Лопатин и его коллеги сейчас лишь наполовину представляют себе результат любой задуманной операции на лице и шее. Современная хирургия невозможна без строгих предварительных расчетов, а их без спецоборудования не выполнишь. Цефалостат ну-

жен для съемки черепа обочу. Без таких снимков не рассчитать перемещение фрагментов уродливой челюсти. Этот аппарат есть в платных клиниках Москвы, туда и отправляют больного за снимком. «И нам приносит стандартный кадр без необходимого ракурса, да еще и нелучшего качества», — говорит Андрей Лопатин. Стоимость снимков с чужого цефалостата не превышает тысячи рублей. Однако драма еще и в том, что абсолютное большинство пациентов Андрея Лопатина — детдомовцы. Те самые дети, от которых отказались родители как раз из-за тяжелых врожденных дефектов черепа и лица. А детдома не в состоянии оплачивать такие снимки. И вот операция откладывается неизбежно на сколько, сироту увозят, и мы имеем то, что имеем. Из несчастного ребенка в детдоме вырастает еще один ущербный взрослый, который не хочет жить.

Необходимые реквизиты и счет от поставщика на цефалостат можно получить в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Воспитанники Починковского интерната получили по 3000 рублей

Июльская отпускная жара все-таки оказалась — на летние каникулы для смоленских сирот (см. "Ъ" от 26 июня, «Интернаты должны пухнуть») удалась собрать толпу часть средств: 122,68 тыс. вместо 498 тыс. рублей. В полной мере повезло лишь команде из Починковской школы-интерната: всем 35 ребятишкам, которых разместили на каникулы в приемных семьях, досталось по 3000 руб. Возможно, тут наша вина: наверное, следовало рассказать об этой затее пораньше, в апреле или в мае.

Напомним, на июньской странице фонда мы предложили поддержать смоленских педагогов и сброситься по 3000 руб. на летний отдых сирот в приемных семьях. Такие семьи нашлись для 166 ребятишек из девяти школ-интернатов. Деньги читателей пошли бы на подарки сиротам и культурную программу, а питание взяли бы на себя сами семьи и, конечно, местный департамент образова-

Культурную программу летних каникул этим малышам из города Починко оплатили читатели «Коммерсанта»
ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

ния. Нам в фонде показалось, что затея вполне здравая. Тем более что такие же деньги читатели однажды уже собрали — на

рождественские каникулы 2003 года для этих же ребятишек. Впрочем, еще не поздно: каникулы продолжаются, как везде, вплоть до 1 сентября и, может статься, эта заметка попадет на глаза только самому читателю, который проникнется.

А теперь об остальных ваших откликах. Оплачено лечение: Анжели Кошечко (14 лет, грудной лордоз-колиз 3-й ст., операция в Новосибирском НИИТО, 179 612 руб.) и Гале Васенковой (13 лет, прогрессирующий сколиоз 4-й ст., 179 889 руб., обе — Новосибирская область); Мише Ключникову (6 лет, сколиоз, 106 624 руб., Кемеровская область).

Приобретены: электрокардиостимулятор для Дианы Вагаповой (12 лет, порок сердца, 140 500 руб., Ульяновская область); компьютер с брайлевским дисплеем для Андрея Пихонова (17 лет, слепота, 147 500 руб., Архангельская область); цифровые слуховые аппараты

Адапто для Ани Зениной (2 года, тугоухость 3-й ст., 67 517 руб.) и Ольги Носовой (21 год, тугоухость 4-й ст., 64 648 руб., обе московички); электростимулятор для Коли Громова (5 лет, ДПП, 52 450 руб., Ивановская область); Отправлены: 122 680 руб. на летние каникулы смоленских сирот; 213 090 руб. для Отари Хунцария на протез (46 лет, ампутация ноги, Абхазия); 41 500 руб. и 6 вещей посылкой Татьяне Державиной (одна растит пятерых детей, Самарская область); 428 575 руб. на препарат фактор VII Ире-Леоновой (14 лет, гемофилия, годовой курс лечения стоит 1272 240 руб., Северная Осетия); 166 723 руб. на лекарства Денису Назарову (7 лет, мышечная атрофия 1-й ст., 110 495 руб., Москва); 163 620 руб. на операцию Ларисе Ждан (31 год, сколиоз 4-й ст., Оренбургская область); 13 100 руб. Любюви Новиковой на покупку телевизора и холодильника (мать-одиночка, Коми-Пермяцкий АО);

24 тыс. руб. и 14 вещей посылкой семье Ирины Назимовой (38 лет, одинокая мать двоих детей, Санкт-Петербург); 31 234 руб. на покупку компьютера в воскресную школу Свято-Троицкого храма (Красноярский край); 80 500 руб. Людмиле Юнчаровой на покупку инвалидной коляски, холодильника, стиральной машины и на лечение, а также вешевую посылку (инвалид 1-й гр., четверо детей, Московская область); 13 500 руб. Эльзе Хакимовой (22 года, нужен протез руки, полная цена 49 658 руб., Москва); 15 тыс. руб. и посылка Светлане Кубасовой (одинокая мать двоих детей, Пермская область); 3 тыс. руб. и посылка Елене Мокшиной (одинокая мать двоих детей, Псковская область); по две посылки Светлане Образовой (Оренбургская область), Елене Аслан (Ставропольский край); по одной посылке Светлане Могиловой (Самарская область), Надежде Нагорновой (Ярославская область), Антониде Лесни-

ковой (Идмуртия), Светлане Федотовой (Краснодарский край), Елене Верховых (Воронежская область). Помогли: Ольга (Франция), Татьяна (от укусоводителя), Ольга Анатольевна, Стас, Надежда (все — Санкт-Петербург), ОАО «Белон», Андрей Петрович (оба — Новосибирск), Светлана (Уфа), Вячеслав (Самара), ООО «Служба вывоза мусора и благоустройства», ООО «Илера», Анна, Сергей, Елена Смирнова и Людмила Песина (фонд «Созидание»), Алексей, Константин, Марина, Павел, Кира, Юрий, Эдуард Александрович, Александра, Николай и Анна, Борис, два Андрея, две Татьяны, Мария, Александр Павлович, две Натальи, Елена, Лиза, Светлана Ивановна, две Екатерины, Виктория, Ирина, Оксана, Иракий, Татьяна Витальевна, Валерий, Николай, Дмитрий (все — Москва).

Спасибо!
ЛЕВ АМБИНДЕР,
руководитель
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Варя Геккер, 1 год, поражение центральной нервной системы. Требуется лечение, 68 863 руб.

Мне 24 года. Меня называют матерью-одиночкой. Но с Варенькой я не одиночка. Это такой теплый и нежный ребенок, такая славная девочка! Мама моя умерла шесть лет назад, а отец — когда я была беременна Варей. Папина кончина меня подкосила: беременность протекала тяжело. А с отцом Вари мы так и не поженились. Все разом навалилось: похороны, несостоявшийся брак. Меня с гипертоническим кризом увезли в больницу. Варя родилась недоношенной, очень маленькой, с органическим поражением центральной нервной системы и гипоплазией зрительного нерва. Весь год я лечу дочку: надо успеть пролечить в раннем возрасте. В январе прошли курс полипептидных препаратов, дочка стала спокойнее и подвижнее. Пытается ползать, говорить, реагирует на речь. Вы бы слышали, как забавно она подпевает моим песенкам. Нужно еще как минимум четыре курса по 15 300 руб. и лекарств на 7663 руб. На первые курсы собрала денег по знакомым, а больше взять негде. Живем на Варину пенсию и пособие, всего 1600 руб. Надежда Геккер, Москва.

Замдиректора Института медтехнологий Ольга Рымарева: «До нас Варя не передвигалась, почти не видела и не слышала. Слух уже восстановлен, улучшилось зрение. Важно провести хотя бы четыре курса: организм еще может активизировать мозговые клетки. Варину маму уважаю: очень ответственная. Молодая, одна, без средств, а от такого ребенка не отказалась».

Артем Ковихин, 19 лет, прогрессирующий сколиоз 4-й степени. Спасет срочная операция, 210 960 руб.

Сроду ничего не просил, все сам зарабатываю. А тут такой формсмажор, что готов на все. Мой сын Артем инвалид: сколиоз у него нашли в два года. Мы жили в Казахстане, с 7-го класса Артем в школу уже не ходил. В 1997 году вышли на Новосибирский НИИТО: там горбы оперируют. Правда, это очень дорого. Узнав, что АЛРОСА оплачивает лечение детей своих сотрудников, мы переехали в Якутию. Два года назад Артема оперировали. А через год имплантат сломался в пояснице: костный блок не успел образоваться. В феврале сделали бесплатный перемонтаж. И вдруг опять поломка! Артем не может сидеть, ходить, туловище валится. Нужно срочно ставить металл спереди на позвоночник и заменить сломанную конструкцию сзади. Замена за счет НИИТО, а переднюю конструкцию АЛРОСА уже не оплатит (помогает только детям до 16 лет), и нужно 210 960 руб. Я всегда делал для Артема все, что мог. А тут бессилие. Мерзкое чувство, врагу не пожелаешь. Леонид Ковихин, Якутия.

Заведующий клиникой вертебрологии Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Уникальный случай. У Артема запущенная, грубая деформация в пояснице, искривление свыше 100 градусов и нет стабилизирующего влияния ребер. Нужна срочная фиксация позвоночника еще и спереди. Сложная операция, в моей практике две таких было. Надеюсь, угол деформации будет исправлен минимум наполовину, это восстановит баланс туловища. Парень будет выглядеть как все».

Рита Нестерова, 47 лет, рак. Нужны лекарства, 32 тыс. руб.

Иллюзий я не питаю и не думаю, что кто-то обязан мне помогать. И все же пишу вам. Наверное, это ваши публикации всеяют надежду. Невольно думаешь, раз других спасаете, то и у меня есть шанс. Я педагог, 22 года учила русскому языку детей в школах Нагорного Карабаха. У меня три дочери-студентки. Две с отцом остались дома, а младшая со мной. Полтора года назад в Москве мне поставили диагноз — рак. Врачи подняли меня на ноги, спасибо им. Но с тех пор я так и живу в Москве, ведь лечение надо продолжать. Снимаем с дочкой комнату. Дочь, учась в университете, немного подрабатывает и хотя бы не голодает. Квартирная хозяйка очень добра, угощает со своего огорода, позволила пожить в долг. Беда в том, что я не могу заплатить за лекарства 16 824 руб. на трехмесячный курс. Нечем платить и за комнату, и я сужусь думаю, что не оправдаю доверия хозяйки. Соплатой жилья и питания мне надо 32 тыс. руб. Извините, просто мне больше не к кому обратиться. Рита Нестерова, Москва.

Врач-радиолог онкоклинического диспансера № 1 Елена Морозова: «У Нестеровой 3-я степень заболевания. Во время облучения у нее лекарства не было, и это негативно сказалось на состоянии. Лекарства надо принимать постоянно. Если можно, помогите ей выкупить медикаменты поскорее».

Елена Верховых, 39 лет, двое детей, погорельцы. Нужны строительные материалы, холодильник, посуда, одежда, 150 060 руб.

Тод назад из-за короткого замыкания загорелся наш дом. Почти все сгорело, одна кирпичная коробка осталась. У с детьми (дочке 14 лет и сыну 16) живу в сарае вместе с поросятами. С мужем десять лет в разводе, на детей ни копейки не дает. Соседи собирали нам кое-что из вещей, так и переживали. Город дал 3000 руб., немного одежды и талоны на питание на 2578 руб. Завезли бревна, теперь хоть потолок в доме есть. Но жить там еще нельзя, а мне одной с ремонтом не управиться. Раньше я на рынке вещами торговала, а эту зиму в сарае просидела: печку постоянно топила. У меня теперь такой страх перед пожарами, что я от печи ни на шаг. Из-за нервов рожу отнялась. На бирже труда получаю 200 руб. и 70 — пособие на дочь. Дети исхудали, ходят в телогрейках. Так тяжело! Если можно, помогите. Высылаю счета на самое необходимое. Спасибо. Елена Верховых, Воронежская область.

Вера Сафонова, председатель горкомитета по соцподдержке: «Верховых получили от города всю возможную помощь. Но ремонт движется действительно медленно. Помочь им, конечно, нужно. Особенно вещами и строительными материалами».

Дана Швыдко, 5 лет, врожденный порок сердца. Необходима операция в НИЦ ССХ имени Бакулева, 52 тыс. руб.

При рождении у Даны обнаружили порок сердца. В 2000 году его оперировали. Врачи сказали, что через месяц было бы поздно. Но на третьи сутки отошла пластинка (та «заплата», которая должна препятствовать смешению венозной и артериальной крови). С тех пор пластика все время понемногу отходит. Если отойдет совсем, то закупорит сосуды, как тромб. А это смерть. Повторную операцию с разрезанием грудной клетки ребенок не перенесет. Врачи предложили эндоваскулярное закрытие. Но если первую операцию делали за счет региональной квоты, то на вторую квоты нет, нужно платить. Наш Минздрав выделяет 125 тыс. руб. Нужно еще 52 тыс. Я сопрабатую с зарплатой 643 руб., муж на сырдельном заводе получает 1900. Это на четверых, у нас еще Илья 9 лет. Нам всюду отказывают. Спасите Дано, пожалуйста! Марина Швыдко, Ставропольский край.

Кардиолог НИЦ ССХ Татьяна Золотова: «Эндоваскулярное закрытие проводится без вскрытия грудной клетки. Хирург при помощи компьютера проводит через сосуды к месту дефекта специальное устройство оклюдер и закрывает отверстие. Операция отработана, ведется под наркозом».

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года как попытка помочь авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в «Ъ», «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты бедолаги и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась — всего собрано свыше \$4,5 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших милиционеров (Самара), 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста». Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; E-mail: rfp@kommersant.ru. Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).